

Жена — эпизод 4 из 19

Я поднялся ей навстречу и сказал:

Простите, Natalie, что мы беспокоим вас. Мы толкуем здесь об одном очень важном деле, и нам пришла счастливая мысль воспользоваться вашим добрым советом, в котором вы нам не откажете. Садитесь, прошу вас.

Иван Иванович поцеловал у Натальи Гавриловны руку, а она его в голову, потом, когда все сели за стол, он, слезливо и блаженно глядя на нее, потянулся к ней и опять поцеловал руку. Одета она была в черное и старательно причесана, и пахло от нее свежими духами: очевидно, собралась в гости или ждала к себе кого-нибудь. Входя в столовую, она просто и дружески протянула мне руку и улыбалась мне так же приветливо, как и Ивану Ивановичу, это понравилось мне; но она, разговаривая, двигала пальцами, часто и резко откидывалась на спинку стула и говорила быстро, и эта неровность в речах и движениях раздражала меня и напоминала мне ее родину Одессу, где общество мужчин и женщин когда-то утомляло меня своим дурным тоном.

Я хочу сделать что-нибудь для голодающих, начал я и, помолчав немного, продолжал: Деньги, разумеется, великое дело, но ограничиться одним только денежным пожертвованием и на этом успокоиться значило бы откупиться от главнейших забот. Помощь должна заключаться в деньгах, но главным образом в правильной и серьезной организации. Давайте же подумаем, господа, и сделаем что-нибудь.

Наталья Гавриловна вопросительно посмотрела на меня и пожала плечами, как бы желая сказать: Что же я знаю?

Да, да, голод... забормотал Иван Иванович. Действительно... Да...

Положение серьезное, сказал я, и помощь нужна скорейшая. Полагаю, пунктом первым тех правил, которые нам предстоит выработать, должна быть именно скорость. По-военному: глазомер, быстрота и натиск.

Да, быстрота... проговорил Иван Иванович сонно и вяло, как будто засыпая. Только ничего не поделаешь. Земля не уродила, так что уж тут... никаким глазомером и натиском ее не проймешь... Стихия.. Против бога и судьбы не пойдешь...

Да, но ведь человеку дана голова, чтобы бороться со стихиями.

А? Да... Это так, так... Да.

Иван Иванович чихнул в платок, ожил и, как будто только что проснулся, оглядел меня и жену.

У меня тоже ничего не уродило, засмеялся он тонким голосом и хитро подмигнул, как будто это в самом деле было очень смешно. Денег нет, хлеба

нет, а работников полон двор, как у графа Шереметьева. Хочу по шеям разогнать, да жалко как будто.

Наталя Гавриловна засмеялась и стала расспрашивать Ивана Ивановича об его домашних делах. Ее присутствие доставляло мне удовольствие, какого я уже давно не испытывал, и я боялся смотреть на нее, чтобы мой взгляд как-нибудь не выдал моего скрытого чувства. Наши отношения были таковы, что это чувство могло бы показаться неожиданным и смешным. Жена говорила с Иваном Ивановичем и смеялась, нисколько не смущаясь тем, что она у меня и что я не смеюсь.

Итак, господа, что же мы сделаем? спросил я, выждав паузу. Полагаю, мы прежде всего, по возможности скорее, объявим подписку. Мы, Natalie, напишем нашим столичным и одесским знакомым и привлечем их к пожертвованиям. Когда же у нас соберется малая толика, мы займемся покупкой хлеба и корма для скота, а вы, Иван Иванович, будете добры, займетесь распределением пособий. Во всем полагаясь на присущие вам такт и распорядительность, мы с своей стороны позволим себе только выразить желание, чтобы вы, прежде чем выдавать пособие, подробно знакомились на месте со всеми обстоятельствами дела, а также, что очень важно, имели бы наблюдение, чтобы хлеб был выдаваем только истинно нуждающимся, но отнюдь не пьяницам, не лентяям и не кулакам.

Да, да, да... забормотал Иван Иванович. Так, так, так...

Ну, с этой слюнявою развалиной каши не сваришь, подумал я и почувствовал раздражение.

Надоели мне эти голодающие, ну их! И всё обижаются и всё обижаются, продолжал Иван Иванович, обсасывая лимонную корку. Голодные обижаются на сытых. И те, у кого есть хлеб, обижаются на голодных. Да... С голоду человек шалее, дуреет, становится дикий. Голод не картошка. Голодный и грубости говорит, и ворует, и, может, еще что похуже... Понимать надо.

Иван Иванович поперхнулся чаем, закашлялся и весь затрясся от скрипучего, удушливого смеха.

Было дело под По... Полтавой! выговорил он, отмахиваясь обеими руками от смеха и кашля, которые мешали ему говорить. Было дело под Полтавой! Когда года через три после воли был тут в двух уездах голод, приезжает ко мне покойничек Федор Федорыч и зовет к себе. Поедем да поедем, пристал, как с ножом к горлу. Отчего ж? Поедем, говорю. Ну, взяли и поехали. Дело было к вечеру, снежок шел. Подъезжаем уже ночью к его усадьбе и вдруг из лесу бац! и в другой раз: бац! Ах ты, шут тебя... Выскочил я из саней, гляжу в потемках на меня человек бежит и по колена в снегу грузнет; я его обхватил рукой за плечи, вот этак, и выбил из рук ружьишко, потом другой подвернулся, я его по затылку урезал, так что он крякнул и в снег носом

чкнулся, здоровый я тогда был, рука тяжелая; я с двумя управился, гляжу, а Федя уже на третьем верхом сидит. Задержали мы трех молодчиков, ну, скрутили им назад руки, чтоб какого зла нам и себе не сделали, и привели дураков в кухню. И зло на них берет, и глядеть стыдно: мужики-то знакомые и народ хороший, жалко. Совсем одурели с перепугу. Один плачет и прощения просит, другой зверем глядит и ругается, третий стал на коленки и богу молится. Я и говорю Феде: не обижайся, отпусти ты их, подлецов! Он накормил их, дал по пуду муки и отпустил: ступайте к шуту! Так вот как... Царство небесное, вечный покой! Понимал и не обижался, а были которые обижались, и сколько народу перепортили! Да...